

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

СЛОВО.

ВЪ великій пятокъ, предъ цѣлованіемъ плащаницы.

Стояху при крестѣ Иисусовъ Мати Его, и сестра Матере Его Марія Клеопова и Марія Магдалина. Иисусъ же, видѣвъ Матерь и ученика столца, его же любляше, глагола Матери своей: жено, се сынъ твой. Потомъ глагола ученику: се мати твоя. Отъ того часа поять ю ученикъ во свояси (Ев. Іоан. XIX, 25, 26, 27).

Станемъ, братіе, мысленно и мы теперь у креста Христова и съ благоговѣніемъ вдумася въ то великое событіе, какое въ немногихъ выше приведенныхъ строкахъ изобразилъ намъ Евангелистъ, самовидецъ и участникъ событія.

Станемъ и будемъ думать! Вѣдь, любить же родные, друзья и знакомые останавливаться мыслю и воспоминаніемъ на послѣднихъ часахъ и минутахъ почившаго ихъ роднаго, друга или знаемаго, особенно... въ день смерти ихъ! Христосъ, у креста Котораго стояли, столь близки сердцу Его святые люди, не чужой и намъ. Онъ—Начальникъ нашей вѣры; Онъ—Совершитель нашего спасенія; Онъ—Богочеловѣкъ.

Марія, Мать Иисусова, святая жены и возлюбленный ученикъ Его стояли у креста, но замѣчаю Евангелія, въ то время, когда, не вдалекѣ отъ креста, воины метали уже жребій объ одеждѣ Иисусовой (Ев. Іоан. XIX, 24); стало быть, спустя уже нѣсколько времени послѣ распятія. Но у креста стояли они тогда не одни. *Стояху*, пишетъ св. Лука (XXIII, 34—40), и *людіе зряще*, стояли также князья ихъ,

стояла и воинская крестная стража. Понятно, что въ присутствіи ожесточенныхъ враговъ Иисусовыхъ, минуты для послѣдняго свиданія Матери съ Сыномъ, св. женъ съ Благодѣтелемъ и ученика съ Учителемъ отягчались еще болѣе.

Простой народъ смотрѣлъ на Иисуса и Его крестъ, правда, безъ злорадства и ожесточенія, а больше какъ на предметъ только зрѣлища: *стояху людіе зраше*. Но князья? Но стража?—*Рукавуся!*.. Первые, чтобы въ извѣстныхъ насмѣшкахъ надъ Иисусомъ излить душившую ихъ ненависть къ Нему, чтобы затѣвъ, въ виду потрясающихъ событій Голгофы, не дать времени простому народу одуматься и отрезвиться, чтобы, наконецъ, заглушить черезъ то и внутреннюю тревогу свою за невинно проливаемую ими кровь. Послѣдніе увлекались примѣромъ и вліяніемъ первыхъ.

Что князья боялись народа изъ—за Иисуса и на мѣстѣ казни Его, это понятно само собою. Вѣдь, народъ любилъ Иисуса искренно, такъ еще недавно благоговѣлъ предъ Нимъ и Его словомъ и не иначе называлъ Его, какъ почетнымъ именемъ учителя; въ его свѣжей памяти было и только что совершившееся воскресеніе Лазаря. Достаточно поэтому было одной трезвой минуты, одного трезваго взгляда на безпредѣльную кротость и незлобіе Иисуса, чтобы предъ нимъ воскресъ въ Иисусѣ учитель, благодѣтель и чудотворецъ, словомъ—человѣкъ отъ Бога, чтобы видѣть, что предъ глазами его виситъ не злодѣй. Довольно было и тѣхъ немногихъ словъ, съ коими, въ молитвѣ, со креста обратился Христосъ къ небесному Отцу своему о прощеніи распячателей, чтобы убѣдиться, что это былъ не простой человѣкъ. Болѣе, чѣмъ пятитысячелѣтняя исторія міра не видала и приблизительно примѣра такого незлобія и такой всепрощающей любви, искренно жалѣющей своихъ убійцъ въ моментъ самаго закланія. Потому-то князья такъ неистово и кричали, обращаясь къ народной толпѣ: *аще цѣрь Израилеваго есть, да спидеть нынѣ со креста и спруемъ въ него* (Матѣ. XXVII, 42). Или: *инии спасе, да спасетъ и себе, аще той есть Христосъ, избранный Божій* (Лук. XXIII, 35). Увы, до чего не доводитъ зависть и властолюбіе!

Что понудило святыхъ женъ и возлюбленнаго ученика

Христова, или еще болѣе, что дало имъ смѣлость явиться къ кресту Иисусову, когда у креста сего, какъ не могли не знать и они, долженъ былъ разрѣшиться послѣдній и, естественно, самый сильный взрывъ злобы и ненависти къ Иисусу со стороны Его враговъ, и когда, слѣдовательно, присутствіе ихъ тамъ было не безопасно для нихъ?—Сознаніе и любовь. Сознаніе указало на долгъ быть вблизи Страдальца во время Его крестнаго подвига; любовь дала силы исполнить этотъ долгъ. Они любили Иисуса безграничною любовью, а такая любовь николиже отступаетъ. Мало. Она идетъ и далѣе: за предметомъ любви она готова слѣдовать не только до его креста, но съ нимъ или за нимъ готова идти и на самый крестъ. Таково уже свойство истинной любви.

Что они дѣлали у креста? *Стояху*. Больше этого Евангелистъ не освѣщаетъ событія ни однимъ словомъ. Ни о вопляхъ и рыданіяхъ, ни о бѣніяхъ себя въ перси, ни о терзаніяхъ волосъ нѣтъ и намека въ Евангеліи. *Стояху*. Значить, настолько еще имѣли у себя и физическихъ силъ, что могли держаться сами на ногахъ, владѣли еще собою, не падали въ обморокъ. *Стояху*. Стояли и молчали, страдали во глубинѣ сердца и безмолвно сораспинались съ Иисусомъ.

Какъ неизмѣримо велика и глубока была, при этомъ, скорбь Матери Иисуса—этого языкъ человѣческой не выразитъ никогда, а можно гадать о томъ только по соображеніямъ. Марія знала святѣйшее Рожденіе свое, и вотъ видитъ Его... на крестѣ! Марія знала совершеннѣйшую безгрѣшность Иисуса, и вотъ видитъ Его въ числѣ нарушителей закона, даже въ числѣ... злодѣевъ!! Марія знала, что *Царствію Его*, какъ Сына Вышняго, *не будетъ конца*, а вотъ видитъ Его подъ вѣнцемъ не отъ каменій честныхъ, а подъ вѣнкомъ терновымъ, въ страшныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданіяхъ, всего изъязвленнымъ и доселѣ еще неустанно поругаемымъ и осмѣиваемымъ, не смотря на то, что Страдалецъ едва уже переводитъ дыханіе и ни противъ кого не отверзаетъ устъ своихъ. О, кто опишетъ намъ всю трудность, всю горечь и желчь такихъ минутъ для Маріи? Гдѣ намъ найти сердце среди людей, такое сердце, которое бы пережило эти минуты, не разорвавшись пополамъ? Гдѣ найти мысль, настолько му-

жественную и свѣтлую, которая бы, при взглядѣ на ужасы Голгофы, не содрогнулась, не помутилась, не остановилась и не замерла въ своемъ движеніи? Духъ Божій, говорившій устами праведнаго Симеона, до нѣкоторой степени приближаетъ къ нашему разумѣнію страшныя Голгофскія минуты для Маріи, сравнивъ боль души ея въ то время и страданія сердца съ тою болью и тѣми страданіями, какія испытываетъ человѣкъ, сквозь сердце или жизненный нервъ котораго прошло бы оружіе (Лук. 11, 35). Однакожь Марія пережила эти минуты съ достоинствомъ Богоматери. Правда, у креста Иисусова и Она болѣла сердцемъ и страдала такъ, какъ никто и никогда не болѣлъ и не страдалъ изъ рожденныхъ женами, за исключеніемъ Сына Ея; но въ тоже время, не давъ скорбямъ подавить своего сердца до потери власти надъ нимъ и омрачить своей мысли до потери сознанія, Она явила въ Себѣ черезъ то высочайшее духовное совершенство, достойное Ея призванія. Вся тайна здѣсь въ полнѣйшей покорности Маріи Промыслу Божію. Въ той мѣрѣ, въ какой у креста Иисусова погружалась Она въ бездну страданій, въ той самой мѣрѣ въ то же время погружалась и въ бездну преданности волѣ Божіей, волѣ Отца небеснаго, исполнителемъ которой на землѣ до конца былъ Сынъ ея и отъ опредѣленій которой ставилъ въ постоянной зависимости и свое дѣло и свою личную судьбу, какъ Обновитель и Искунитель человѣчества. Такимъ образомъ бездна скорбей Ея у креста уравнивалась бездной преданности Ея волѣ Божіей. Такія мысли по настоящему предмету приводятъ и великій нашъ отечественный богословъ (*); такія мысли внушаются намъ и извѣстною всему христіанскому міру безпредѣльною преданностію во всемъ пресвятой Дѣвы вышему водительству Промысла Божія, какъ рабы Его.

Стоячу при крестѣ Иисусовѣ! Не тамъ ли, братіе, въ настоящее время и наше мѣсто по преимуществу? Въ нашъ вѣкъ, въ вѣкъ отрицанія и невѣрія, не туда ли должно влечь и насъ наше сердце, и притомъ какъ можно чаще и настойчивѣе? Нынѣшніе дни—дни не малой опасности для

(*) Филаретъ.

христіанства. Прислушайтесь, какъ по мѣстамъ бурно шумить и волнуется житейское море, воздымаемое вѣтромъ лжеименнаго разума! Прислушайтесь, съ какою самоувѣренною дерзостью и занальчивостью отвергающая духовный и нравственный міръ современная наука силится подорвать божественное значеніе крестнаго голгооскаго жертвенника, а съ нимъ и всемірной жертвы! Присмотритесь равнымъ образомъ и къ тому, какъ почти во всѣхъ частяхъ міра неутомимо работаетъ антихристіанское перо и своими отрицательными заключеніями крутить и мутитъ головы нашихъ юношей, холодить и губить сердца мужей и старцевъ! Если мы искренно вѣруемъ во Христа, какъ Богочеловѣка и Искушителя, если мы любимъ Его, если мы Его ученики и послѣдователи: нашъ прямой долгъ не отдавать на поруганіе святѣйшаго имени Его и великаго дѣла Его. Къ Голгоѣ же, братія, туда, гдѣ завершилъ богочеловѣческой подвижъ Христа на спасеніе міра! Святая Матерь Божія и другія близкія Ему лица принесли ко кресту только скорбь сердца и любовь къ Иисусу; но это потому, что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ дѣла, большаго они не могли и принести. Мы должны нести ко кресту больше: должны нести туда всѣ наши духовныя силы и всѣ духовныя средства, коими обладаютъ Христова церковь и истинная наука, чтобы этимъ обоюдоострымъ орудіемъ не только разсѣчь, но и поразить въ самомъ корнѣ ложныя умствованія о Христѣ отрицателей. Мы должны открыто и дружно, смѣло и неустанно проповѣдывать наше христіанское вѣроученіе, какъ единое истинное, не отъ человѣкъ, но отъ Бога намъ данное, и, отражая нападки враговъ оружіемъ духовнымъ, содѣйствовать дѣлу Христову словомъ и писаніемъ, христіанскимъ житіемъ и чистотою сего житія, а паче всею теплою молитвою, чтобы Отецъ небесный, имиже вѣсть, судьбами, Самъ обратилъ заблудшихъ къ истинному свѣту. Это—первый урокъ или завѣтъ отъ стоявшихъ при крестѣ Иисусовѣ святыхъ лицъ для всѣхъ послѣдователей Христовыхъ. Другой болѣе частный, и собственно касается того, какъ мы должны держать себя при нашихъ несчастіяхъ и въ особенности при тяжелыхъ для сердца семейныхъ и дружескихъ потеряхъ, чтобы сохранить въ себѣ христіанское достоинство и не дать

скорби въ конецъ возобладать нашимъ сердцемъ. Урокъ этотъ настолько ясенъ, что не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія, а потому безъ дальнихъ словъ возвратимся снова мыслию своею къ стоявшимъ при крестѣ святымъ женамъ и ученику Христову.

Стояху при крестѣ Иисусовѣ! Божественный Страдалецъ, повидимому, не вдругъ замѣтилъ присутствіе у креста св. группы. Насмѣшки и ругательства надъ Нимъ все еще не смолкали. Ни откуда, ни отъ кого и ни одного сострадательнаго слова не слышалъ Онъ. Въ глазахъ всѣхъ Онъ все еще былъ только злодѣй, который терпитъ заслуженную кару. Такой густой мракъ облегалъ тогда Іерусалимъ и Голгооу! Отъ сильныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ потрясеній, въ теченіи дня и ночи, отъ тяжелыхъ побоевъ и потери крови, по вознесеніи на крестъ, Страдалецъ быстро сталъ ослабѣвать и впадаетъ какъ бы въ самозабвеніе. Онъ какъ бы ничего не видитъ и не слышитъ. Разъ, только одинъ разъ, доселѣ отверзъ Онъ свои уста, чтобы сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ распинателямъ. Міръ доселѣ еще не исчерпалъ всего содержанія сказанныхъ Имъ тогда словъ и не исчерпаетъ никогда. Вотъ эти слова: *Отче, отпусти имъ, неведаятъ бо, что творятъ.* Сказать это о такихъ злодѣяхъ, какъ распинатели Его, сказать въ минуту самыхъ лютыхъ страданій, неповинно Имъ отъ нихъ претерпѣваемыхъ, и при тѣхъ обстоятельствахъ, какія адская злоба ихъ умысленно создала для креста Его, о, это можетъ только Богочеловѣкъ! Но для насъ слова Христовы важны собственно не въ этомъ отношеніи: по отношенію къ нашей цѣли они важны для насъ, какъ опорная точка для опредѣленія душевнаго состоянія Христа во время висѣнія Его на крестѣ. Нѣтъ, братія, Христосъ ни на минуту не погружался на крестѣ въ самозабвеніе. Такое состояніе было бы недостойно Его Богочеловѣческаго Лица; оно было бы недостойно и важности минутъ Его первосвященническаго искупительнаго подвига. До послѣдняго дыханія, Онъ сохранялъ полное сознаніе, чтобы въ такомъ состояніи, каплю за каплей, всю до дна испить чашу страданій и исходатайствовать тѣмъ міру, у Отца небеснаго отпущеніе грѣховъ. Не отверзалъ же Онъ устъ

своихъ и терпѣль все безмолвно, не какъ забывшійся, и не какъ потерявшій сознание, а какъ жертвенный Агнецъ, ведомый на закланіе, какъ Искупитель, принявшій на Себя одного всю отвѣтственность за міръ. Съ первой минуты до послѣдняго дыханія, во глубинѣ существа своего, ни для кого незримо, а отъ всѣхъ сокровенно молился Онъ небесному Отцу своему, молился со всѣмъ воплемъ сердца и благоговѣнствомъ о принятіи жертвы Его за міръ, подобно тому, какъ въ началѣ висѣнія своего на крестѣ, молился Ему о прощеніи распинателей открыто, въ слухъ всѣхъ.

Такимъ образомъ все время висѣнія Христа Спасителя на крестѣ было непрерывнымъ сознательнымъ подвигомъ Его, какъ Первосвященника и Искупителя. Воспріявъ въ свое сердце весь человѣческій родъ, въ широтѣ первосвященнической и искупительной любви своей, Онъ болѣлъ обо всѣхъ, любилъ всѣхъ, даже распинателей, а потому и ходатайствовалъ и молился за всѣхъ.

Вотъ передъ тѣми минутами, когда внутренній огонь, разгораясь все болѣе и болѣе, возбудилъ въ Немъ смертельную жажду, взоръ Его упалъ на стоящихъ при крестѣ его и въ числѣ ихъ Онъ увидѣлъ... Мать свою и... возлюбленнаго ученика своего. Невыразимая минута! Евангелистъ не освѣтилъ ея ни однимъ словомъ, пройдемъ ее и мы благоговѣйнымъ молчаніемъ. *Видѣвъ Матерь и ученика стояща, его же любяше, глагола Матери своей: жено, се сынъ твой. Потомъ глагола ученику: се Мати твоя.* Страдалецъ сказалъ какъ бы такъ: Мать моя! Послѣ Меня, онъ позаботится о Тебѣ; а ты, возлюбленный, не покинь Ее и относись къ Ней, какъ сынъ, какъ относился Я. *Се сынъ Твои!.. Се Мати Твоя!..* Не много словъ, но какъ они трогательны и многосодержательны! Пройдутъ многіе и многіе вѣка, а слова эти передъ судомъ совѣсти и трезваго человѣческаго чувства никогда не потеряютъ своей свѣжести и назидательности. Христосъ на крестѣ, Христосъ въ такомъ ужъ положеніи, что внутренность Его объята нестерпимымъ пламенемъ, взоръ тухнетъ, языкъ изсохъ, глава склоняется, и однако заботится о своей Матери! Чтобы исполнить свою обя-

занность къ ней, Онъ прекращаетъ на время какъ-бы самое Божественное жертвоприношеніе свое небесному Отцу, прерываетъ какъ бы первосвященническую молитву свою къ Нему. Этимъ ясно засвидѣтельствовалъ Онъ, что нѣтъ въ мірѣ званій и состояній, нѣтъ мѣста и времени, которыя бы освобождали насъ отъ обязанности такъ или иначе заботиться о своихъ родителяхъ, почитать и любить ихъ. Любовь къ родителямъ имѣетъ для себя самую прочную основу. Она коренится въ нашей природѣ; она требуется отъ насъ и поддерживается въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи долгомъ нашей признательности къ родителямъ за ихъ многопечительную любовь къ намъ и особенно—матери. Вѣдь, такъ широка и вмѣстѣ глубока любовь матери къ исчадіямъ чрева ея, что слово Божіе сопоставляетъ ее только съ любовью самаго Бога къ своимъ созданіямъ, *сіяющаго*, какъ извѣстно, *солнце свое на злыя и благія*. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, и теперь найдется матерей, которыя бы отказались стоять вблизи сына или дочери во время ихъ страданій, даже... позора? Еда забудетъ мать отроча свое? Надо быть, поэтому, чудовищемъ, надо простереть убійственную руку на собственное свое сердце, чтобы порвать въ немъ всякую связь съ матерью. При всемъ томъ, въ наше время раздаются все чаще и чаще горькіе вопли родителей на непочтеніе отъ дѣтей. Подъ вліяніемъ матеріалистическихъ направленій науки и порождаемаго ею растлѣнія народныхъ нравовъ, современные дѣти, или, по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ, совсѣмъ уже не то, что были дѣти библейскихъ временъ и прежнихъ христіанскихъ вѣковъ. Современные дѣти не только зачастую непокорны своимъ родителямъ, но и не рѣдко обращаются съ ними грубо, дерзко, жестоко. Есть въ средѣ ихъ и такія даже, которыя, въ самыхъ циничныхъ, въ самыхъ язвительныхъ выраженіяхъ, выставляютъ свое рожденіе отъ родителей внѣ всякой будто зависимости онаго отъ высшаго Божественнаго Промысла, а потому считаютъ себя предъ ними ни чѣмъ не обязанными, стыдятся называть ихъ именами отца и матери и на всѣ ихъ мольбы и жалобы отвѣчаютъ холодностію и глумленіемъ. Одумайтесь и опомнитесь, несчастные! Взгляните, хотя теперь, хоть мелькомъ, на Христа, заботящагося и на крестѣ о сво-

ей Матери. Припомните младенческія и отроческія чувства ваши, когда эти чувства всецѣло дышали нѣжностію и любовью къ родителямъ. Развѣ Христосъ (какъ вы ни будете смотрѣть на лице Его), развѣ Христосъ выразилъ на крестѣ не общечеловѣческое чувство сына къ матери и не общечеловѣческія обязанности и отношенія дѣтей къ родителямъ? Развѣ младенческія и отроческія ваши чувства созданы были въ васъ искусствомъ, а не природою, и воспитывались и крѣпились, пока не совершился въ нихъ печальный поворотъ, не подъ охраною и не подъ теплымъ дыханіемъ любви родительской?

Но будемъ слѣдить далѣе за евангельскимъ сказаніемъ. *Отъ того часа поятъ ю ученикъ во свояси. Отъ того часа*, т. е. тотчасъ же послѣ стоянія у креста. *Во свояси*. Исусъ, какъ извѣстно, не имѣлъ на землѣ, гдѣ главу поклонити. Иоаннъ отъ креста принялъ Богоматерь прямо въ домъ свой, служилъ Ей и почиталъ Ее, какъ сынъ, до самаго блаженнаго Ея усненія. Блаженъ, сто кратъ блаженъ Иоаннъ, упокоившій Матерь своего небеснаго Учителя!

Но ублажая, братія, возлюбленнаго ученика Христова, мы не можемъ здѣсь не задуматься надъ участію и другихъ, изъ нашего собственнаго времени, несчастныхъ матерей. Такъ, напримѣръ, гдѣ теперь и что теперь тѣ матери, сыновья которыхъ мученически сложили свои головы въ только что оконченной ужаснѣйшей борьбѣ? Всѣ ли онѣ имѣютъ свой кровъ, или изъ нихъ многія и многія рѣшительно не знаютъ, куда приклонить голову? Всѣ ли онѣ обезпечены жизненнымъ довольствіемъ и покоемъ, или въ средѣ ихъ есть и такія, которыя нуждаются даже въ насущномъ кускѣ хлѣба и, въ слѣдствіе тяжелой утраты и нужды, доселѣ еще не осушали глазъ? Что мы сдѣлали для несчастныхъ изъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, думаемъ ли что сдѣлать? Говорить, что это дѣло касается больше государства, чѣмъ народа. Но справедливо ли это? Нѣтъ. Павшіе герои жили и трудились среди насъ, и мы знали ихъ, какъ братьевъ, какъ близкихъ нашему сердцу людей. Неужели же теперь, когда они окрестились кровію и огнемъ, когда, уповаемъ, имена ихъ причтены къ лику пресвѣтлаго мученическаго воинства, они стали дальше

Отъ нашего сердца, перестали быть нашими ближними, нашими братьями, и мы, видя нужду ихъ матерей, не поможемъ симъ несчастнымъ, не утремъ слезъ ихъ? Кромъ того, ни для кого изъ насъ не тайна, что первоначальныя воинственные движения и за тѣмъ жаркія и единодушныя заявленія и требованія войны шли не сверху внизъ, какъ это бывало прежде, а на оборотъ, такъ что государство явилось такимъ образомъ только выразителемъ и исполнителемъ неустойчивыхъ желаній и требованій народа. Не дѣло ли, поэтому, народа позаботиться и о матеряхъ павшихъ героевъ и вообще о сиротахъ ихъ? Наконецъ, навсѣ герои наши созданы были собственно духомъ народнымъ, духомъ вѣры. Православная вѣра для русскаго народа еще и досель, какъ и слѣдуетъ, составляетъ самое первое, самое главное его сокровище на землѣ. Не смотря на нѣкоторыя нравственные слабости его, затронуть его съ этой стороны—значить то же, что ударить въ самую чувствительную струну его сердца. Чтобы отстоять сокровище и оградить стѣ опасности для себя или родныхъ по вѣрѣ племень, народъ не пожалѣетъ для того никакихъ силъ, никакихъ жертвъ. Удивительно ли послѣ сего, что войны наши въ оконченной борьбѣ были истинными героями и шли на смерть, какъ на пиръ? Какъ носители народнаго духа, они сражались и умирали за народную совѣсть и святую. Нѣтъ!.. все, все показываетъ, что позаботиться о матеряхъ павшихъ героевъ и вообще о сиротахъ ихъ есть дѣло по преимуществу народное. Подумаемъ же, братія, что мы съ своей стороны можемъ сдѣлать для несчастныхъ, и постараемся сдѣлать то.

Братія! Слово наше закончено. Уроки изъ разсмотрѣннаго нами евангельскаго событія, возможности, извлечены. Іосифъ и Никодимъ, тайные ученики Христовы, сняли со креста тѣло Его и обвили оное плащаницею чистою. Пойдемъ и мы за ними къ плащаницѣ сей, но не какъ тайные, а какъ явные Его ученики и послѣдователи. Придите же и взгляните на Него съ трепетомъ и любовію. Придите и поклонимся Начальнику нашей вѣры и Совершителю нашего спасенія.

О Господи Иисусе Христе! Аще и *убози есмы изволеніемъ и совѣстію*, но твои, твои... отъ чрева матери нашей. Ты самъ рекъ твоими причистыми усты: *всякъ въручай отъ мя не пошибнетъ*; молимъ Тебя, Препоблагій, сотвори благодатію твою, да не будетъ среди насъ ни одного сына погибельнаго.

Протоіерей В. Розаліевъ.

II.

О нуждѣ учрежденія церковно-приходскихъ попечительствъ въ Кавказской епархіи и предметахъ ихъ дѣятельности.

Въ настоящее время въ разныхъ епархіяхъ Россіи существуетъ болѣе 11,000 церковно-приходскихъ попечительствъ и разныхъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ. Наибольшее участіе въ дѣятельности этихъ попечительствъ принимаетъ духовенство: оно старается о привлеченіи въ члены попечительствъ почетныхъ прихожанъ, о приращеніи матеріальныхъ средствъ этихъ учреждений, удѣляетъ въ пользу ихъ послышную долю своихъ собственныхъ средствъ, наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ и т. п. Дѣятельность большей части церковно-приходскихъ попечительствъ направлена на поддержаніе приходскихъ храмовъ и украшеніе ихъ и на улучшеніе матеріальнаго быта духовенства; но значительное число попечительствъ не ограничиваютъ свою дѣятельность одними этими предметами, а направляютъ ее и на поддержаніе и развитіе образованія и, въ особенности, на дѣла христіанской благотворительности. Чтобы судить о результатахъ дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ, приведемъ отзывъ о нихъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода въ отчетѣ его за 1876 годъ. По словамъ этого отчета, „церковно-приходскія попечительства содѣйствуютъ укрѣпленію христіанской нравственности въ приходскихъ обществахъ и, отчасти, удовлетворенію ихъ ду-